

* * *

Парад Победы в сорок пятом...
то был особенный парад!
Он был могучим, всеохватным
от маршалов и до солдат.

Мундиры свежего покроя
на всех идущих, как влиты.
Шли сплошь античные герои
и эталоны красоты.

Под громозвучные фанфары
печатал шаг за рядом ряд,
И твердь всего земного шара
тряслась от поступи солдат.

Шли не паркетные служаки,
не лизоблюды-щелкуны –
заматерелые вояки,
огнём войны обожжены.

Знамёна плыли, пламенея,
штыков щетинист был оскал,

а на трибуне мавзолея
генералиссимус стоял.

Слегка усталый, постаревший,
не знавший отдыха вовек,
но удивительно успешный
военный тактик и стратег.

Он наблюдал, лицом прояснев,
как наклоня их до земли,
по главной площади по Красной
штандарты фюрера несли,

как их с презрением швыряли
под стены древнего Кремля,
и как страна рукоплескала,
Победы радость с ним деля.

Всеобщее было ликование,
цветов, улыбок несть числа.
Через великие страданья
к Победе Родина пришла.

И посему он признан Святым
достойным вечного: «Vivat!»
Парад Победы в сорок пятом –
незабываемый парад.

* * *

*Памяти старшего сержанта Сиротина Н. В.,
принявшего бой с танковой колонной фашистов
у села Сокольничи 17 июля 1941 года*

Сорок первый. Июль багряный.
Копоть чёрная на листве.
Танки Хейнца Гудериана
одержимо ползут к Москве.

Путь на Кричев для них свободен:
супротивник отвёл бойцов.
Леденяще звероподобен
исступлённый моторов рёв.

Что фашисту? Пусты окопы
у села при речонке Сож.
Он прошёл через всю Европу,
словно в масло вонзённый нож.

Посему офицеров позы
твердокаменны, как гранит.
Пыль вздымается ввысь белёса.
Дым пожарищ окрест клубит.

Нет препон для лихого марша.
Не сбавляет колонна ход,
устремляя себя всё дальше
на привычный уже восход.

Но внезапно невесть откуда
затаившейся пушки гром.

Танк передний, взметнувшись круто,
полюхнул до небес костром.

Следом новый раскат громовый.
Кто-то быстро навёл прицел
на машину в хвосте колонны,
и опять же всё точно – в цель.

И теперь уже, словно в тире,
раз за разом огонь разящ.
Танки вязнут, сползая, в иле,
огнь от новых костров палящ.

Паникуют враги, зверея,
жадно ищут в бинокли схрон:
где коварная батарея,
сколь орудий ведут огонь?

Обнаружили: из пшеницы
неуёмная пушка бьёт.
Неприступная! Пехотинцы
устремляются к ней в обход.

Два часа с половиной лютый
непрерывный, кромешный ад!
Супротив одного орудья
танки и легион солдат.

Только силы, увы, не равны
и на свете всему предел.
Смолкла пушка. На поле бранном
груды стали, десятки тел.

Обступили вояки молча
опалённый редут. На нём
у лафета один наводчик.
Бездыханный. Лежит ничком.

И глазам своим враг не верит:
разединственный (как же так?)
нам такие нанёс потери.
Он – герой, пусть для нас и враг.

Погребли средь колосьев хлебных,
воздымавшихся им по грудь,
тремякратно пальнули в небо
провожая в последний путь.

*Памяти рядового Передерия С. единолично
принявшего бой с фашистами в г. Краснодаре
летом 1942 г.*

Входили немцы в Краснодар бестрепетно, вальяжно:
противник город уступил – форпост очередной.
Когда защитники ушли, входить в него не страшно:
пожива ждёт, и отдых ждёт, и временный покой.

Шла, не особо хоронясь, усталая пехота,
мотоциклетов трескотня да рёв грузовиков.
Определиться на постой – важнейшая забота,
а дальше... дальше ждёт Кавказ, как редкостный улов!

Мыслишка, видимо, была у бестий белокурых:
«А город, право, ничего, хотя не счесть руин!»

Но на окраине его вдруг пушка громыгнула,
и был воистину её безжалостен почин.

Откуда, право, что взялось? Отменная работка!
Обворожительней её не сыщешь ничего:
стоит на улице боец и бьёт прямой наводкой,
разя скопления врага и технику его.

И враг растерян, потрясён. Что толку в многолюдье?
Одна пушчоночка на всех, как клякса на мундир.
Из автоматов бьют в упор, но прочен щит орудья,
не допускает взять себя отважный бомбардир.

Но вот и танки подошли. Выцеливают дружно.
Но снова выстрел и один запылял костром.
Зато второй успел пальнуть и опрокинул пушку.
Стоит боец, и нет, увы, оружия при нём.

Но рядом брошен грузовик, и вспышкой решение:
в кабину прыгает боец и выжимает газ.
На танк! На танк! На танк! На танк летит снарядом мщенья —
удар открытый и прямой, пусть и в последний раз.

Но выстрел встречный и в упор, и... точка в поединке:
дымит разбитый грузовик и мститель убиен.
Сгрудились немцы вокруг бойца, им, видимо, в новинку
решенье битву предпочесть, а не постыдный плен.

Пришли и местные жильцы с прошеньем выдать тело,
чтоб был воитель погребён, найдя в земле покой.
— Берите, — молвил офицер, — солдат был очень смелый.
Похороните! Он из тех, кого зовут герой.

И схоронили храбреца. Но в памяти народной
он и поныне, как живой. Стоит несокрушим.
Один. С пушчонкою своей. В осанке благородной.
И злое скопище врагов трепещет перед ним.

* * *

Решенье ГКО¹ – Москвы эвакуация,
отправить в город Куйбышев правительство страны,
минировать объекты на случай оккупации,
которые не вывезть, которые важны.

Согласно документа
и вождь покинуть должен
Москву:

Дежурит поезд и ждёт условный знак,
и дача его в Горках минируется тоже,
дабы над ней коварный не надругался враг.

Решение секретно, но нет ни в ком сомненья:
готово руководство фашисту город сдать –
сжигаются бумаги во многих учреждениях,
вывозит барахлишко начальственная знать.

На складах, в магазинах ликуют мародёры,
Милиция сквозь пальцы глядит на действия их.
И беженцев толпищи спешат покинуть город,
и слухи, слухи, слухи – одни страшней других.

Но самый вредоносный, что нет вождя в столице,
и нет опроверженья ужасному ему.

Тревога и усталость на измождённых лицах,
О, где же, где же Сталин? Молчит он почему?

¹ ГКО – Государственный Комитет Оборонны.

А вождь условной ночью велел везти на дачу.
Водитель и охрана в догадке не простой:
наверное, проститься с ней хочет, не иначе,
а может, взять чего-то забытое с собой.

Ужель забыл Верховный, что ночьюю вчерашней
сапёры постарались, минируя объект.
Напомнить ли об этом? Но, право, очень страшно.
Велел везти и точка. Зачем? – вопросов нет.

А вождь в глубокой думе застыл в автомобиле,
стремительно летящем по улицам Москвы,
резонно ли решение, что Ставкой утвердили,
не гибельный ли промах увы, увы, увы?

Фашисты на пороге столицы. Два-три марша
и будут у кремлёвской стены маршировать.
Неистовы бомбёжки «Люфтваффе». Что же дальше?
Как быть с Первопрестольной? Чем противостоять?

Понятно, биться насмерть! Цепляться, как ни сложно,
за каждый дюйм столицы. А коль падёт она,
то это – рана в сердце. Смертельная, возможно,
в чём будет персонально Верховного вина.

Последствия чреваты: союзники покинут
и прежних отношений, увы, не возымеют,
японцы на границе свои армады двинут,
и Турция захочет хоть что-то поиметь.

И, значит, все сомненья с отбытьем не напрасны:
Москва – не просто город – священная земля.
Бойцы и ополченье стоять здесь будут насмерть,
и он со всеми насмерть под сводами Кремля!

А между тем в кортеже авто примчало вскоре
к правительственной даче, таящейся во тьме.
Вождь вылез из кабины: «Прислать сюда сапёров».
Привычно вынул трубку, присевши на скамье.

Что ж, выбор им свершился,
на сердце нет разлада.
– Ни шагу из столицы! – себе наказ такой.
О, не тогда ли мысли возникли о параде
и вера в одоление фашистов под Москвой?

* * *

Я помню их – былых фронтовиков,
служивших в ВВС в пятидесятых –
весёлых, озорных, молодцеватых –
пилотов легкокрылых ястребков.

Была раскрепощённость им сродни,
и выделяла выправка лихая.
Из курток своих лётных извлекая
«Казбек», как важно щурились они.

Как стучали они о коробок
вальяжно извлечённой папироской,
Исполненной особенного лоска
была гармошка хромовых сапог.

Ну как же! Победители! Они
элитой крылатой считались.
И им была неведома усталость,
как ни были бы хлопотными дни.

Но после службы – местный стадион,
футбол. Играли истово, азартно.
Их жёны улыбались лучезарно
им,
по полю летающим,
вдогон.

А если в летний день вдруг выходной,
они спешили семьями к Сучану.
В траве стелили скатерть-самобранну
и выставляли взятое с собой.

Не щедр на разносолы был пикник:
картошка, огурцы, капуста, сало
и рыбка. В те года её немало
водилось. Запекали в углях вмиг.

Ныряли, довольны вполне,
снимались для фото на полянке
и пели легендарную «Смуглянку»
и прочи: о пилотах, о войне.

И были им, прошедшим огонь войны,
дни мира упоительно отрадны.
любой они осваивали жадно,
и в каждом все события важны.

Их оптимизма, мнилось, не избыть,
не утаить под маской безразличья.
И в этой неуёмной жажде жить
их было осязаемое величье.